

ПРОСТРАНСТВО МЫШЛЕНИЯ

Соображения

Андрей Курпатов

Игры разума

Андрей Курпатов

**Пространство
мышления. Соображения**

«Автор»

2016

УДК 159.964.21
ББК 88.3

Курпатов А. В.

Пространство мышления. Соображения / А. В. Курпатов —
«Автор», 2016 — (Игры разума)

ISBN 978-5-9909419-0-8

Третья книга, посвященная методологии мышления, – это еще один способ продумать ее от начала и до конца. Если в первой, «Методология мышления. Черновик» был создан концептуальный каркас для реконструкции реальности мышления, а во второй «Что такое мышление? наброски» реализована онтогенетическая стратегия, то в «Пространстве мышления. Соображениях» рассмотрен процесс мышления как непосредственный акт. Описывая механику процесса мышления, автор книги А. В. Курпатов формулирует приемы для достижения «озадаченного мышления», которое и позволяет мыслить реальность, то есть создавать сложные интеллектуальные объекты, отношения между которыми куда точнее ориентируют в действительной реальности, чем любые сложившиеся готовые представления.

УДК 159.964.21
ББК 88.3

ISBN 978-5-9909419-0-8

© Курпатов А. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Предварительные замечания	5
Соображение № 1	7
Соображение № 2	14
Соображение № 3	20
Соображение № 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Курпатов

Пространство мышления. Соображения

Предварительные замечания

Эта книга – третья попытка последовательно продумать методологию мышления, а точнее говоря – еще один способ продумать методологию мышления от начала и до конца. Этим я хочу сказать, что перед вами не «еще одна часть» методологии (хотя и не без этого), а еще один способ реконструкции мышления.

Первая попытка вылилась в написание книги «Методология мышления. Черновик». В ней я поставил перед собой задачу создать что-то вроде концептуального каркаса, достаточного для реконструкции реальности нашего с вами мышления.

Вторым таким комплексным продумыванием методологии стала книга «Что такое мышление? наброски». В «Набросках» я избрал онтогенетическую стратегию, то есть сконцентрировался на процессе возникновения мышления, на принципах его внутренней организации.

В «Соображениях» моей целью стала, если так можно выразиться, механика мышления. Имея концептуальный каркас методологии и некую модель внутренней организации мышления, я попытался (снова от простого к сложному) рассмотреть процесс мышления как непосредственный акт.

Грубо говоря, я рассказываю в этой книге о том, что происходит в нашем мозгу в тот момент, когда мы осуществляем акт мысли. Эта удивительная загадка, должен признаться, занимает меня невероятно! Как вообще получается, что мы способны думать, задумываться, создавать этот самый сложный мир интеллектуальной функции и оперировать в нем?

Возможно, обывателю это представляется чем-то тривиальным, само собой разумеющимся – мол, все мы думаем, и что в этом такого? Но если это действительно так просто, то почему сплошь и рядом встречаются субъекты, которые демонстрируют удивительную глупость? Почему кто-то думает так, что это приводит к потрясающим результатам, а кто-то так, что кажется – лучше бы уж он и не думал вовсе?

Почему вообще существуют «умные люди»? Или, по крайней мере, люди, чье видение ситуации и чьи решения оставляют остальных далеко позади? Я полагаю, что это в первую очередь связано с наличием в поведенческом арсенале соответствующего субъекта специфических навыков использования своего мозга. Да, большое значение имеет и объем знаний, и, вероятно, генетика, но суть мышления – это не то и не другое, его суть – это то, как мы используем наш мозг.

Сам по себе, мозг человека – это, конечно, лишь биологический субстрат, на который, если так можно выразиться, «садится» культурно-историческая матрица (по Л. С. Выготскому), или, как мы говорим в методологии мышления, мир интеллектуальной функции. Если этого счастливого события не произойдет, то даже пытаться «думать» – совершенно бессмысленно. Нам нужен язык, нужны сложные социальные навыки и т. д. и т. п. Но и наличие в мозгу этой матрицы, само по себе, еще ничего нам не гарантирует.

В конце концов, важно ведь не то, что «знает» мозг человека, а то, что сам человек может с этим знанием делать, как он способен его использовать. Да и способен ли? Иными словами, речь идет о том, как человек может влиять на свой собственный мозг (будучи, как мы понимаем, его же производным)? Можно ли как-то воздействовать на него, чтобы не только он творил нас (во всем нашем многообразии, включая наше же мышление), но и мы сами как-то думали, используя его в качестве, так сказать, подручного средства?

Возможно, со стороны всё это выглядит несколько безумно, но без легкой доли безумия с этой проблемой вряд ли удастся справиться. Справедливости ради, надо отметить, что аналогичный трюк мы уже реализовывали (и с весьма хорошими результатами) в рамках системной поведенческой психотерапии¹. Речь идет о концепте «поведения в отношении поведения», когда мы обучаем пациента осуществлять корректирующее поведение (включая апперцептивное, речевое и социальное) в отношении своего же, но дезадаптивного поведения.

В данном случае речь, по сути, идет о том же принципе: о мышлении в отношении собственного мышления, об использовании ресурсов своего мозга, с тем чтобы они работали над решением задач, которое перед ним ставит наше мышление (хотя понятно, что наше мышление, само по себе, является его же производным). Собственно, уяснение этой механики и представляется мне одним из самых важных пунктов настоящих «Соображений».

Кроме того, здесь же естественно возникает вопрос об отношениях нашего мышления с реальностью, которую мы пытаемся помыслить. Если я знаю таблицу умножения, но даже не догадываюсь о том, что числами могут быть обозначены некие объекты реального мира, то какой мне от этих знаний прок? Вероятно, проку мало. А что мы знаем про то, как реальность соотносится с мышлением? Честно говоря, мы знаем про это позорно мало (если вообще то, что мы про это знаем, можно считать знанием).

Нам кажется, что наше знание отражает реальность, но эта кажущность, надо признать, обусловлена или недостатком научных знаний, или той самой глупостью. Отношения мышления и мыслимой реальности, как минимум, штука сложная и весьма запутанная. Да, мы пытаемся мыслить реальность, но то, с чем мы имеем дело в рамках своего мышления, это уже не реальность, а наши представления о ней. Спутать «карту» с «территорией» сложно, но, когда речь идет о мышлении («карта») и реальности («территория»), мы совершаем эту глупость с завидным упорством.

Таков в общем и целом круг вопросов, составляющих эту книгу. В запасе у меня остался еще один способ продумать методологию мышления от начала и до конца (если всё сложится, то соответствующая книга будет называться «Что такое реальность? Версия»), но в целом, как мне представляется, проделанной концептуальной работы уже достаточно, чтобы переходить к разработке специальных практик работы с мышлением – к практике методологии мышления.

Что ж, мне остается поблагодарить всех, кто продолжает следить за развитием методологии мышления, а также принимает деятельное участие в ее создании! Спасибо и приятного чтения!

¹ Аверьянов Г. Г., Курпатов А.В. Руководство по системной поведенческой психотерапии. СПб., 2006.

Соображение № 1

О разумности

Почему, собственно, я способен мыслить? Что заставило меня когда-то – в детстве – начать думать? В целом, в мышлении как некой особой функции совершенно не было никакой необходимости.

Человекообразные обезьяны, например, ни в чем, по существу, от меня не отличающиеся, вполне обходятся без мышления (если мы понимаем под мышлением специфическую человеческую разумность). Они включены в естественный мир: у них и на биологическом уровне (биохимическом, биофизическом) обнаруживается полная комплементарность среде обитания, и на уровне их нервной деятельности (то есть на нейрофизиологическом уровне) наличествует полная своего рода коммутативная интеграция со средой (психическое обеспечение поведения, социальные отношения в группе и т. д.). Здесь нет разрыва – они включены, они соответствуют, принадлежат той действительности природы, которая их создала.

Но ведь и для моего существования как биологического существа тоже нет никакой необходимости в мышлении. То, как я устроен с точки зрения своей биологии (включая психофизиологию), вполне позволяет мне обойтись без мышления. Если я не буду включен в культуру (меня, например, воспитает стая волков или тех же приматов), то я и не буду мыслить – я не буду разумным существом, хотя понятно, что неким существом я все-таки буду, а потому смогу жить, действовать, реализовывать какие-то свои потребности. Иными словами, специфическое человеческое мышление – это не то, что возникает во мне с необходимостью.

Представим себе, что мы подбросили такому ребенку, которого воспитывают волки или приматы, азбуку, флейту и книжку-раскраску. Какова вероятность, что он начнет учиться читать, подбирать мелодии на этой флейте или раскрашивать изображение, используя доступные ему красители (уголь, ягоды и т. д.)? Вполне очевидно, как мне представляется (хоть такого опыта мы поставить и не можем), что никакого побуждения к собственно человеческому мышлению эти предметы у ребенка из волчьей стаи сами по себе вызвать не могут. Ему – живущему с волками – это и не нужно. Если никто не будет понуждать его к тому особому (собственно разумно-человеческому) отношению к данным предметам, он и не определит их в соответствии с той функцией, которую мы в них усматриваем. Для него эти предметы будут чем-то другим – не тем, что для нас. Мы выучены собирать соответствующие интеллектуальные объекты, он – нет.

И я, и шимпанзе можем оказаться в художественной галерее, на концерте симфонической музыки, футбольном матче, держать в руках книгу или слушать лекцию в университете. Всё это будет для нас с этим шимпанзе некоей данностью, но только я (в отличие от шимпанзе) буду видеть в картинах художественной галереи «произведения искусства», слышать «музыку» (для других животных она ничем не отличается от любого иного шума), следить за игрой людей на «футбольном поле», понимать «выступление лектора» и то, что «книга» – это не просто нечто тяжелое и забавное, что можно, например, рвать, но и что-то, что несет в себе, например, «смысл текста». То есть я буду это думать, а шимпанзе – лишь как-то апперцептировать данные вещи и явления в том же регистре реальности, в котором оно апперцептирует, предположим звездное небо над головой или дерево на холме (по существу, никак – как абсолютно недоступные пониманию «вещи в себе» [И. Кант]).

Что же заставляет меня формировать у себя этот специфический навык мышления, который, вроде бы, лишен всякой биологической обусловленности и точно не «прорежется»

во мне сам, если я не буду находиться в мире других людей? Да, собственно, этот мир других людей, по всей видимости, и вынуждает меня начать мыслить, принуждает меня к интро-ецированию мира интеллектуальной функции и специфическому существованию в нем. Это утверждение кажется очевидным и даже тривиальным, но нам надлежит разглядеть за ним нечто чрезвычайно важное, нечто пока ускользающее: ведь если всё это действительно так, то, следовательно, мы не имеем собственного мышления².

Конечно, в какой-то момент своей социализации мы станем носителями мышления, и само это мышление будет использовать наш мозг как среду своего существования. Но то, что мы традиционно считаем «собственным мышлением», не является таковым, оно не принадлежит нам, оно сопринадлежит миру, который дал нам язык, – миру интеллектуальной функции других людей. Причем это вовсе не мир других людей как таковых, а тот мир, который они лишь несут в себе, – точно так же, как это делаю и я. Мы просто носители этого мышления. То есть они (так же, как и я) сопринадлежат этому миру культуры (в самом широком смысле этого слова) – миру интеллектуальной функции других людей, но, воспроизводя его, являются лишь его следствием.

Здесь следует уточнить, что «мир интеллектуальной функции» (культурно-историческое пространство [Л. С. Выготский]) – это некая действительная реальность (несводимая, впрочем, к «объективной реальности»), которая возникла в истории человечества как социально-обусловленная знаковая среда, способная порождать в индивидуальном сознании конкретных людей специфические эссенциальные сущности (тех самых сущностей, посредством которых мы наделяем предметы «объективной реальности» целевым значением³). Именно поэтому в рамках мышления мы не имеем дела с предметами объективной действительности как таковыми, а лишь с некими наборами взаимно определенных функционалов: «стул» – это то, на чем «сидят», «еда» – это то, что «едят» и т. д. То есть речь идет в некотором смысле о той «интенциональности», которая обнаруживается в «философии сознания» [Э. Гуссерль, Д. Сёрль]⁴.

«Мир интеллектуальной функции», таким образом, есть нечто вроде наследуемой нами социальной договоренности – в процессе социального научения [А. Бандура] мы передаем из поколения в поколение некие способы употребления объектов окружающей нас действительности. Ношение одежды, пользование столовыми приборами, выражение своих состояний посредством определенных знаков (слов), получение удовольствия от прослушивания музыки – всё это что-то вроде сложных ритуалов (формирование и реализация соответствующих динамических стереотипов [И. П. Павлов]), которые помогают нам удовлетворять какие-то наши потребности, в значительной части, впрочем, и вызываемые самой этой наследуемой договоренностью.

При этом мы сначала научаемся соответствующему употреблению тех или иных объектов действительности, а лишь затем «обнаруживаем» в них соответствующие эссенциальные сущности («чашность» чашки, «стольность» стола [Платон]), что и превращает для

² Точно так же мы не имеем и собственного языка, хотя содержание используемых нами языковых единиц у каждого из нас может быть своим. То есть язык, которым мы пользуемся, это не наш «приватный язык», а язык всех членов некой общности – наш общий язык, но значения слов и выражений, которые мы используем, вполне индивидуальные, то есть сформированы нами самими (хотя и в непосредственном взаимодействии на этом поле языка с другими людьми).

³ «Азбука» – это книга для обучения чтению, «флейта» – музыкальный инструмент для производства мелодий, «книжка-раскраска» – пособие для тренировки навыков рисования у ребенка.

⁴ Вещи существуют для меня как некие специфические интеллектуальные объекты моего мышления. Эти объекты, с одной стороны, служат неким моим целям (то, зачем мне могут быть нужны эти вещи, то, ради чего я их создаю в себе как интеллектуальные объекты и использую как элементы действительности), а с другой стороны, возможны для меня в качестве таковых только потому, что я в процессе своей социализации в культурно-историческом пространстве был обучен достигать соответствующих целей с помощью таких вот предметов. Собственно, и то, и другое – условия формирования во мне эссенциальных сущностей объектов мира интеллектуальной функции.

нас эти объекты действительности в интеллектуальные объекты нашего мышления. Так что мыслим мы вовсе не своим знанием об объектах действительности и не знаками, которыми эти объекты в нас как бы обозначаются, а теми своими навыками их употребления, которые были сформированы в нас в процессе нашего социального научения⁵.

Тут надо специально отметить, что на каком бы уровне психического (интеллектуального) развития мы ни находились, нам наших «знаний о мире» всегда и вполне достаточно. С высоты своего нынешнего опыта мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что когда-то – в молодости, например, или в детстве – мы многого не понимали, мало чего знали и зачастую вели себя как записные идиоты. Ирония состоит не только в том, что мы тогда – в своей молодости, в детстве – так не думали и своей глупости не ощущали, но в том, что мы и сейчас считаем себя вполне здоровыми и разумными (как делали и тогда), хотя через какое-то время, возможно, осознаем, насколько глубоко и драматично ошибались насчет своей осмысленности, разумности, здравости и т. д.

Иными словами, нам естественно пребывать в состоянии, когда мы считаем себя «разумными людьми», которые «всё понимают». Да, мы предполагаем, что чего-то не понимаем, но (как мы сами себе это объясняем) лишь потому, что мы просто этого не изучали, не имеем достаточно информации или просто считаем, что, мол, «это не мое». Так что это «непонимание» просто одна из частей нашего «понимания», оно включено в наше «понимание», которое, повторюсь, кажется нам абсолютным. Мы не испытываем информационного дефицита (что, впрочем, не мешает нам испытывать «информационный голод» – потребность развлечь чем-то свой скучающий мозг). Того, что мы знаем, нам практически всегда достаточно.

В этом смысле аналогичной иллюзией понимания страдают все живые существа и, с определенным оговорками, компьютерные программы. Любому животному – инфузории-туфельке, ланцетнику, голубю, крысе, собаке и человекообразной обезьяне – мир «понятен», он не является для животного некой «загадкой» или «тайной».

И этому вряд ли следует удивляться – нам нужно знать о мире только то, что необходимо нам для удовлетворения наших насущных потребностей. При этом само это знание естественным образом вытекает из нашего опыта, который эти знания и создает. Наконец, сам этот опыт естественным образом возникает из наших действий, продиктованных соответствующими – теми самыми – нашими потребностями. Так с какой стати мы должны задумываться о чем-то еще?

Грубо говоря, нашу поисковую активность побуждают и направляют наши потребности, а потому в окружающем нас мире мы обнаруживаем именно то, что этим потребностям как-то отвечает, каким-то образом с ними связано. Соответственно, картина мира, с которой мы имеем дело, нарисована нашими потребностями, а потому она отражает нас, а не мир как таковой.

Мир-как-таковой никому из нас не интересен, да и не может быть интересен, нам интересно в нем то, что по какой-то причине нам нужно. Таким образом, имеющаяся у нас картина мира является своего рода нашим автопортретом, а не картиной мира-как-такового. Но способны ли мы это заметить, если мы видим в нем лишь преобразенных себя?

С другой стороны, можно ли вообще считать действительно разумным существо, которое, глядя на мир, видит в нем исключительно самого себя, вывернутого наизнанку (отраже-

⁵ Здесь, вероятно, нужно уточнить, что соответствующие навыки формируются в нас в рамках достижения нами определенных целей, то есть всякое действительное значение той или иной «вещи» для нас всегда целевое. В этом смысле эссенциальность предметов окружающего нас мира – это не нечто «идеальное» само по себе, а просто способность этих «вещей» удовлетворять те или иные наши потребности. Причем сами эти потребности вовсе необязательно продиктованы собственно нашей биологией как таковой, а – и в значительной степени – теми играми, которые играют нашим мышлением вне наших сознательных решений на этот счет.

ние своих целей, потребностей), но при этом уверено, что имеет дело с миром-как-таким? Шизофреника мы не считаем разумным именно по той причине, что он видит в мире свои галлюцинации. Но чем это в существе своем отличается от того, что видим в мире мы, если мы видим в нем лишь то, что соответствует нашим целям (потребностям)?

То, что наши цели более здравы, чем галлюцинации шизофреника, – конечно, существенная деталь, но лишь деталь. Мозг шизофреника выдумал мир, в котором он – наш условный шизофреник – оказался. Но и мы выдумали мир, потому что собрали его модель абсолютно тенденциозно – из того, что в нем (в реальном мире) отвечает нашим целям и потребностям. Причем мы сделали это не сами, не по здравому рассуждению, не «объективно», а просто потому, что так вышло, благодаря особенностям организации нашего мозга и мира интеллектуальной функции, к которому нас приобщали другие люди.

Таким образом, иллюзия разумности – это неспособность видеть иллюзорность собственного понимания, это слепота к собственной иллюзии понимания. Иными словами, пока мы не подвергли сомнению достоверность собственного понимания реальности, мы не можем быть разумны (хотя вполне можем себя таковыми ощущать).

Даже шизофреник ощущает себя вполне разумным, потому что то, что он видит в мире, согласуется с тем, что он о нем думает. Но как может быть иначе, если мы и способны углядеть в мире лишь то, что мы о нем в некотором смысле думаем? Как говорил Иван Петрович Павлов, «если нет в голове идей, то не увидишь и фактов»: то есть наблюдаемые нами «факты» – есть наша готовность (желание, интенция, идея и т. д. и т. п.) эти факты увидеть. И из них – из этих и так созданных нами фактов – мы и сконструируем картину действительности, в достоверности которой уже не сможем сомневаться [Л. Витгенштейн].

Этим я не хочу сказать, что никакой разумности в принципе не существует (или, по крайней мере, в принципе не может существовать). Мне кажется, что о некоей специфической разумности человека-разумного говорить, наверное, следует. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, насколько она – эта его разумность – ограничена и слаба, даже если мы умудряемся каким-то образом ее в себе воспитать. Это с одной стороны, а с другой – мне кажется очевидным, что эта наша специфическая человеческая разумность не возникает и не может возникнуть произвольно – как-то сама собой, из некоего спонтанного интереса.

Человек-разумный – это не нонсенс, это просто очень редкое состояние, в которое может (при соблюдении целого ряда условий и процедур) привести себя человекообразная обезьяна нашего вида (обладающая предварительно сформированным в ней мышлением как специфической способностью оперировать интеллектуальными объектами мира интеллектуальной функции других людей).

Из всего этого следует, как мне представляется, что наш разум – это не мышление как таковое, а наше специфическое отношение с реальностью посредством инструмента мышления, сформированного в нас в процессе нашего вхождения в социальный мир интеллектуальной функции, который эту практику отношений (само это мышление) и реализует⁶.

Этим я хочу сказать, что мышление, которое мы усваиваем в процессе своего культурно-исторического развития, то есть в процессе воспитания в сколько-нибудь культурном (обладающем, по крайней мере, языком) обществе, дает нам возможность (но только возможность!) организации неких иных отношений с реальностью, и эти наши – весьма специфические – отношения с реальностью и формируют своего рода инстанцию нашей действительной (хотя и ограниченной) разумности в нас самих.

⁶ Иными словами, собственно под мышлением человека необходимо понимать работу его интеллектуальной функции, использующей некие интеллектуальные объекты, относящиеся к реальности мира интеллектуальной функции других людей (культурно-историческому пространству).

Иными словами, наличие в нас возможности быть разумными – лишь потенция, она вовсе не обязательна к исполнению. Мы вполне можем осуществлять мыслительную деятельность, не будучи при этом разумными – в собственном и специфическом смысле этого слова⁷. Для моей разумности, кроме мышления, требуется, судя по всему, еще какое-то специфическое мое отношение к собственному мышлению, некий, если угодно, особый «онтологический статус» [М. Хайдеггер].

Это, в свою очередь, значит буквально следующее: я могу владеть языком и даже некими навыками мышления, но это еще, само по себе, не делает меня разумным существом. Так, например, во сне, или в гипнотическом трансе, или переживая психическое расстройство (онейроид, например), или в случае интоксикации галлюциногенами я буду по-прежнему владеть языком и даже совершать некоторые (пусть даже очень сложные) мыслительные операции, но я не буду разумен⁸, не имея при этом специфических отношений с реальностью, которые могут быть даны мне лишь используемым определенным образом мышлением.

Иначе говоря, если я сам не занимаю некое особое место (специфическую позицию) в отношении собственного мышления, если я сам не нахожусь с мышлением в неких специальных отношениях, я еще не могу мыслить как разумное существо. Мышление будет во мне, но я сам не буду разумен. На такое мышление-без-разума в некотором смысле и с определенными оговорками способен и шимпанзе, и компьютер, и ребенок до трехлетнего возраста.

То есть мало того что я должен интроецировать в себя некую программу интеллектуальных действий, войти в мир интеллектуальной функции других людей (приобщиться к нему, воспроизвести его в себе), я сам, кроме этого, должен еще занять какую-то особую позицию в отношении этого мышления во мне, и в этом своем качестве – как я сам – еще должен быть этой новой для меня реальностью предварительно порожден. А потом – уже порожденный, возникший таким образом – я потенциально получу возможность занимать какое-то положение в отношении собственного мышления во мне. В противном же случае я буду лишь тем «компьютером», который просчитывает ответы в «китайской комнате» Джона Сёрля, демонстрируя мышление без признаков разумности.

Этим инструментом (этим специфическим «местом»), обеспечивающим мне данные особые отношения с действительной реальностью, обуславливающими мою разумность, и является фикция моего личностного «я». Однако здесь мы должны научиться различать «мои представления о себе» (некий сложный, сложносоставной интеллектуальный объект, репрезентирующий мое «я») и мое личностное «я» как функцию – как этот самый инструмент, как в определенном смысле «пустое место», через которое я и осуществляю косвенную рекурсию, обращаясь к реальности своего мира интеллектуальной функции⁹.

Попробую сказать это иначе. Давайте представим себе таинственного демона Максвелла, который пробирается в мою голову и каким-то чудесным образом блокирует эту специфическую функцию моего личностного «я»: то есть не позволяет мне осуществлять косвенную рекурсию происходящей во мне интеллектуальной активности. В результате некий условный «я», допустим это, могу быть лишь свидетелем происходящей во мне работы интеллектуальной функции с интеллектуальными объектами моего же внутреннего психического пространства (и не важно, чем эта работа вызвана – входящими раздражителями

⁷ С определенной натяжкой, вероятно, можно сказать, что нечто подобное подразумевает Г. П. Щедровицкий, когда говорит, что его «оседлало мышление».

⁸ Не случайно серьезной проблемой юридической психологии является вопрос оценки разумности человека на момент совершения им преступления – отдавал он себе отчет в собственных действиях, или нет, или поступал так под влиянием некоего психического состояния, которое, безусловно, определяется мышлением как таковым.

⁹ См. Курпатов А. В. Что такое мышление? Наброски. СПб.: 2016. Параграфы 79, 82.

или собственной игрой открывающихся и закрывающихся когнитивных гештальтов). Итак, я что-то вроде «человека Бенджамина Либета» – мой мозг, сам по себе, принимает некие решения, а я лишь знаю (или даже не знаю), что он эти решения принял.

По большому счету ничего ведь не изменилось – во мне есть все мои прежние содержания, эти содержания находятся в неких отношениях с вновь поступающими данными от реальности – преобразуют их, интерпретируют, интегрируются в существующие схемы. Все они как-то играют и сами с собой – перестраиваются, трансформируются, архивируются и т. п. Процесс подобной интеллектуальной активности вполне может идти сам собой – без моего участия как некоего действующего, сознающего свои цели и задачи субъекта. Никаких изменений в схему мы, таким образом, не внесли – мы просто запретили косвенную рекурсию, этот, грубо говоря, ментальный самоотчет.

Вполне можно предположить, что я даже не замечу присутствие этого «демона» и не пойму хитрой игры, которую он затеял. Например, когда я смотрю фильм, полностью завладевший моим вниманием, – какой-нибудь хоррор или блокбастер, – нечто подобное, примерно, и происходит¹⁰: активная внешняя стимуляция вкупе с разворачивающейся во мне сценарной историей (нарративом) могут совершенно лишить меня собственного присутствия. Все, что я вижу, на самом деле разворачивается на моей внутренней сцене, внутри моей головы – мой мозг занят тем, что разыгрывает внутри самого себя этот фильм, а на меня – что-то сознающего и анализирующего – у него просто не хватает мощности. Замечаю ли я в этот момент свое отсутствие? Не более чем в состоянии комы, в наркозе или во сне¹¹.

Существование подобного «мыслящего на автопилоте мозга» – это существование, совершенно параллельное реальности: в нас что-то происходит, на что мозг как-то реагирует. Будучи сложно устроен и как следует натренирован, он может реагировать сложно, разнообразно, но это в любом случае есть лишь некая его «своя жизнь» – нечто параллельное той реальности, которая находится по ту сторону от его, выдвинутого на периферию, рецепторного аппарата, с одной стороны, и реальности множества индивидуальных миров интеллектуальной функции других людей – с другой.

Так и компьютер занимается просчетом неких задач, которые мы ввели в него – у него есть набор данных и набор способов оперировать ими. Собственно, это и есть все, чем он занят – как бы в самом себе. Да, можно говорить о реальности этих задач, о сложности работы этого компьютера или его программ, но не о его включенности в реальность, происходящую, условно говоря, где-то помимо этих задач.

Он сам – этот компьютер, – будучи, конечно, в реальности и реальным сам по себе, в себе же и замкнут, и ограничен тем, чем обладает. Очевидно, иными словами, что если у нас нет какой-то специфической инстанции, определенного «места», которое можно было бы назвать неким «я», откуда производится сознательное (разумное и целенаправленное) действие (та самая косвенная рекурсия), предполагающее попытку выхода за пределы этой нашей естественной ограниченности (замкнутости), то мы – это просто машина и ничего больше.

Но какие у меня самого – этого «места» (этой инстанции) – могут быть свои цели и задачи, если я сам – порождение этого мозга и его программ? Не пытаемся ли мы выдать здесь желаемое за действительное – придать фикции «я» некий экзистенциальный статус? Я думаю, что решать этот вопрос в логике современных философов сознания – мол, «верю/не верю» (одни верят в детерминизм [Д. Перебум], другие – индетерминисты – в него не верят

¹⁰ Другими примерами могут быть компьютерные игры с активной вовлеченностью («стрелялки») или, например, виртуальная реальность 3D-очков.

¹¹ Так что вполне очевидно, что никакого «демона» нам даже придумывать не надо: этот «демон» – то естественное ограничение, свойственное нейробиологии нашего восприятия, из-за которого мы не можем удерживать в оперативной памяти более трех сложных интеллектуальных объектов и решать в моменте больше одной задачи. Вот и весь «демон».

[Дж. М. Фишер]), по меньшей мере неправильно. Да, мое личностное «я» безусловно является порождением этих программ, но вопрос не в том, какой реальностью оно порождено, а в том, к какой реальности оно апеллирует. Если оно апеллирует к реальности этих самых программ, то вопрос ясный – ни о какой разумности здесь не может быть и речи.

Но что если эта производная мозга (некое мое «я») обращается не к тому, что происходит в нем, а к тому, что находится за его пределами?¹² Очевидно, что нашу естественную отграниченность (эту, так скажем, параллельность нас прочей реальности) преодолеть нельзя – и мы, и реальность по-прежнему будем находиться по разные стороны некой условной границы, «зоны контакта». Однако эта специфическая интенция способна изменить само наше положение – положение того самого нашего условного «я» (этого «места») – относительно того, что является содержанием нашей психики (по крайней мере, какого-то аспекта нашего индивидуального мира интеллектуальной функции). Иллюзия понимания может быть осознана как иллюзия, что даст возможность увидеть в реальности что-то еще, что пока остается скрытым.

Нет, это не решает вопроса «достоверного познания реальности» и не дает нам понимания того, что же в ней «происходит на самом деле» (подобные надежды следует, как мне представляется, оставить раз и навсегда). Но мы очевидно получаем доступ к новым данным (новой информации), что уже значительный выигрыш. И ведь не просто «еще какая-то» информация: одно дело, когда мы, так сказать, тянем одни факты за другими, движимые тенденциозностью своего подхода (то есть, по сути, воспроизводим все то же самое, лишь с содержательной нюансировкой), и другое – когда то, что нам казалось абсолютно верным и понятным, вдруг подвергается сомнению, отодвигается и освобождает место чему-то новому, прежде для нас несуществовавшему. Это создает эффект естественного противоречия в системе мышления и заставляет тем самым само наше мышление работать иначе, мы обнаруживаем другие задачи – вот что по-настоящему важно.

¹² При этом совершенно неважно, что подобное обращение вряд ли поможет нам достичь этой цели, важно то, что такая позиция в принципе может быть нами занята.

Соображение № 2

О мире интеллектуальной функции

Давайте продумаем еще раз – что такое «мир интеллектуальной функции»? Удивительная особенность этого мира состоит в том, что я как бы разделяю его с другими людьми – мы же пользуемся, например, одним и тем же языком и полагаем, что хорошо друг друга понимаем. Только вот значения, которые мы, грубо говоря, вкладываем в одни и те же слова, у каждого из нас свои (и здесь нет никакой возможности добиться взаимоднозначного соответствия)¹³.

То есть мир интеллектуальной функции принадлежит всем нам и в этом смысле является «общим для нас». Но он нигде – взятый полностью, «весь», «целиком» – не находится, но лишь проявляется в каждом из нас как-то (грубо говоря – какой-то своей частью)¹⁴, причем у каждого по-своему.

Иными словами, некоего обобщенного мира интеллектуальной функции в буквальном смысле этого слова нет, но существует множество версий его частей (индивидуальных миров интеллектуальной функции), носителем которых каждый из нас является. То есть совокупно он существует – как некое гипотетическое наложение этих наших индивидуальных версий частей этого мира интеллектуальной функции друг на друга. Еще раз: мир интеллектуальной функции как таковой, взятый целиком, не существует нигде, но мы существуем в нем, однако доступ имеем лишь к какой-то его – нашей индивидуальной – версии.

В связи с этим вполне, мне кажется, понятно, что в мире интеллектуальной функции, к которому все мы – мыслящие существа – принадлежим, нет никаких естественных ограничений. Иными словами, реальность этого мира, сама по себе, не может сопротивляться нам, что бы мы в ней и с ней ни делали. Мы можем выдумать «Бога», «деньги», «любовь», «эфир», «справедливость», «закон», «импрессионизм», «морганатический брак», «астрологию», «бесконечность», «квантовую запутанность» и т. д. и т. п. И реальность этого мира не встанет и не скажет: «Простите, но такого во мне просто не может быть! Вам следует выдумать что-то другое!». Нет, она всё стерпит.

Важно другое: важно, чтобы в существование того или иного нечто (вообще чего-либо) верило значительное число людей, именно эта вера других в то или иное нечто, а не мир интеллектуальной функции как таковой и сам по себе, сопротивляется нам в пространстве этой реальности. Нам, иными словами, сопротивляются здесь другие люди, которые во что-то верят, а во что-то – нет, но не весь этот громоздкий мир представлений, теорий, установок и ценностей, который мы по наивности считаем объективно существующим (эту-то штуку мы всегда сможем обмануть, если это потребуется для достижения интересующих нас целей).

¹³ Когда я использую понятия «мне», «меня», «для меня» и т. п., речь не идет о моем личностном «я», но о лишь той условно принадлежащей мне поверхности, которая взаимодействует с действительной реальностью. То есть мы говорим лишь о некой непосредственной зоне контакта чего-то моего и того, с чем оно взаимодействует в действительной реальности, к которой, безусловно, отношусь и я сам (где «я», опять-таки, не просто мое личностное «я», а весь совокупный мир моей индивидуальной интеллектуальной функции, во мне вмещающийся).

¹⁴ Когда я говорю о «части» мира интеллектуальной функции, я имею в виду, что никто из нас не имеет в себе всех его областей (зон, регистров, отделов). Понятно, например, что для типичного гуманитария не существует той условной «зоны» мира интеллектуальной функции, где, образно говоря, располагается высшая математика или квантовая механика. За то, чтобы данное знание принадлежало нашему общему миру интеллектуальной функции, отвечают, если так можно выразиться, другие – специально обученные – люди. По сути, каждый из таких «кластеров» людей содержит в себе не только условно «общие отделы» мира интеллектуальной функции, но и какое-то «специальное знание». Исчезнут представители такого «кластера», исчезнет, подобно критскому письму, и это «знание».

Наверное, в качестве некоей аналогии (больше, конечно, психологической) здесь можно привести сравнение между компьютерной игрой, где вы выстраиваете, например, некое государство или что-то в этом роде, и компьютерной игрой, где вы находитесь в онлайн-соперничестве с другими игроками, и каждый представлен на пространстве этой игры своим аватаром. В той и в другой игре вы являетесь игроком, который ограничен какими-то возможностями, правилами, вводными самой игры (как все мы ограничены механикой нашего мозга и той структурой индивидуального мира интеллектуальной функции, которую мы в себе сформировали). Но в случае «стратегии» вы выстраиваете свою игру так, как считаете нужным (с учетом понятных ограничений, определенных программой), и вы в любой момент можете передумать, взять паузу, вообще потерять интерес к этой игре или партии, ничего при этом не потеряв. В случае же соревнования с другим игроком, в случае такого «боестолкновения», вы уже не можете действовать так, как захотите, – вам придется учитывать то, что делает в тот или иной момент ваш соперник.

То есть ситуации радикально отличаются именно по этому критерию – во втором случае через программу на вас воздействует другой человек (или любое другое существо, включая искусственный интеллект), чье поведение, чью веру и интересы вы должны учитывать. Да, здесь действуют те же ограничения программы, и вы не видите перед собой ничего, кроме интерфейса самой программы (причем в обоих случаях он может быть одинаковым). Более того, вы и играете с программой. Только вот сопротивляется вам через нее другой человек (другое существо), и именно по этой причине ситуация для вас выглядит иначе. Вы знаете, что он (этот человек или какое-то другое существо) может передумать, изменить стратегию, напасть на вас или, напротив, окажется беззащитным, что даст вам дополнительные преимущества.

Короче говоря, здесь важно следующее: и в том, и в другом случае вы имеете дело с интерфейсом (условно говоря, миром интеллектуальной функции) – и там аватары, и тут – аватары. Но в одном случае вы вольны делать то, что вам вздумается, и плевать на результат (сам по себе, мир интеллектуальной функции не может нам сопротивляться), а в другом – вы втянуты в отношения и уже не можете поступить так, как вам заблагорассудится (через мир интеллектуальной функции, если он все-таки нам сопротивляется, сопротивляются нам другие люди).

Иными словами, реальность компьютерной программы (как и мир интеллектуальной функции) сопротивляется нам не сама по себе, а это другой человек – наш соперник – сопротивляется нам через эту игру, и именно его скрытое присутствие за тем, что мы видим, меняет дело. Не будь его, мы вообще могли бы включить какой-нибудь автопилот (если, например, такая возможность в программе предусмотрена) и смотреть, как программа сама будет что-то делать – строить, разрушать, организовывать, идти в бой и т. д. (мир интеллектуальной функции в некотором смысле способен жить в нас сам по себе и делает это весьма активно, например во сне или в психозе).

То есть это скрытый за видимостью, но совершенно реальный агент – «другой человек» (или иное существо) – радикально меняет положение дел (ситуацию) для нас и нашего мышления. Если мы знаем о его (этого агента) существовании за представленной нам видимостью, для нас это уже совершенно другая история – мы будем думать и действовать иначе.

Но оставим на время деятелей (агентов) мира интеллектуальной функции и вернемся к миру интеллектуальной функции как таковому. Учитывая сказанное, понятно, что всегда существует возможность того, что нечто в этом мире (некая ситуация) может пониматься разными людьми по-разному. Но как понять, кто из нас понимает это дело правильно (или, точнее сказать, правильнее другого), а кто нет? И как это доказать? Неочевидно.

Допустим, я оказался с каким-то другим европейцем в примитивном африканском племени. Наш гид дал нам определенные инструкции: мол, в таких случаях делайте то-то, а в

таких – то-то, – и удалился. И вот ночью раздается какой-то странный звук, являющийся сигналом, о котором нас гид, собственно, и предупреждал, но мне помнится, что этот сигнал должен означать, что на стоянку нашего племени напало какое-то другое племя, а моему напарнику думается, что этот сигнал свидетельствует о начале охоты. Мы не можем проверить, кто из нас прав, а наш мозг, соответственно, не может включить соответствующую программу действий. Мы растеряны и озадачены.

Единственное, что мы можем сделать в таком случае – это пытаться как-то интерпретировать поведение представителей племени, которые данный условный сигнал, надо полагать, понимают правильно. Но мы ведь не знаем и того, как обычно они себя ведут в той или иной ситуации! Мы будем силиться понять, что происходит на самом деле. Представители приютившего нас племени обмениваются какими-то знаками, и мы понимаем, что они это делают – они что-то явно друг другу сообщают, но мы не можем знать, что эти знаки для них значат, и что в связи с этим нам следует делать. Возможно ведь, что мы и вовсе не тот сигнал услышали, о котором сейчас думаем, и у нас потому вообще нет подходящих к делу инструкций. Может быть, соответствующий сигнал не значит ни того, ни другого, о чем говорил нам наш гид, а что-то третье, например: «Пора ужинать – приготовим наших гостей на вертеле!».

Этот мысленный эксперимент призван показать, что наше личностное «я» не должно быть сколь-либо содержательным, что-то особенное собой представлять, чтобы содействовать озадаченному мышлению. Нет, ему вполне достаточно быть просто тем «местом», через которое осуществляется данный специфический информационный трафик. Причем единственной существенной особенностью этого трафика (его специфичностью) будет то, что это некое «я» одновременно допускает в область своего внимания конкурирующие информационные потоки, ни один из которых не воспринимается системой как однозначно верный.

То есть если мы привычно думаем, что личностное «я» должно выполнять некую цензурную функцию – отделять правильное от неправильного, то это вовсе не «я» подлинного – озадаченного – мышления. Такое «я» должно пропускать через себя разные информационные потоки, причем даже если они противоречат друг другу. Оно – лишь место, где эти потоки будут сличаться друг с другом до тех пор, пока не проявится вариант возможного ответа на озадачивший нас стимул.

Поскольку ни одна из вводных (содержание конкурирующих информационных потоков) не может быть в ситуации подобной альтернативы однозначно интерпретирована, система как бы зависает. В некотором смысле мы как бы принуждены пассивно наблюдать за конкуренцией этих информационных потоков в нас, причем – как бы со стороны, не отождествляясь ни с одним из них (как это обычно происходит).

Предельно грубо обобщая, можно сказать и так – мы или сличаем то, что мы думаем, с тем, что происходит на самом деле, или нет. Но так в некотором смысле происходит и в случае животного – оно выбирает между разными возможными реакциями на стимул. Однако когда критическая масса определенной информации накапливается, животное интерпретирует ее уже однозначно – какие-то импульсы затормаживает, а другие пускает в дело [А. А. Ухтомский].

Однако при всей внешней схожести этих ситуаций – нашей и другого животного – отличие здесь весьма существенное: животное оценивает стимулы объективной (объективно верифицируемой) реальности, а человек-разумный – мира интеллектуальной функции других людей.

Поскольку же человек в принципе способен отдавать себе отчет в том, что у других людей могут быть и другие, неизвестные ему значения используемых ими знаков, у него, соответственно, может возникнуть и сомнение в надежности собственных интерпретаций.

Впрочем, понимать эту ограниченность своих интерпретаций мы начинаем далеко не сразу, а лишь в процессе своего долгого онтогенетического развития в разнородной социальной общности.

Таким образом, особенность мира интеллектуальной функции, к которому все мы принадлежим, но которым ни один из нас не обладает, заключается как раз в этой системной «двусмысленности» (бесконечно-смысленности). И вопрос моей разумности – это вопрос именно той позиции, которую я занимаю в отношении собственного мышления: если я считаю то, что я понимаю, истинным положением дел или хотя бы более-менее объективным отражением реальности, то, конечно, мое «я» не служит делу мышления и до действительной разумности здесь еще очень далеко.

Однако если я нахожу в себе способность к различению собственных представлений о реальности и действительной реальности, о которой я имею некоторые свои представления, то некая инстанция «я» мне не только нужна, но она еще и объективно существует¹⁵. Это «место» служит для того, чтобы во мне сохранялась способность параллельно сличать несколько потоков информации – то, что воспринимается мною непосредственно, то как это мною интерпретируется, то, что при этом сообщает (или не сообщает) мне другой, а также то, о чем он мне сообщает (или не сообщает), что, наконец, это может значить для него и чем это чревато для меня. То есть это мое «я» должно постоянно сличать соответствия-несоответствия, не принимая сторону своих представлений (уже как бы содержащих в себе варианты ответа на все случаи жизни), отторгивать их, дожидаясь корректирующих поправок.

Появлению в нас этой загадочной инстанции, этого «места», мы, судя по всему, обязаны социальному давлению и ответному сопротивлению со стороны своей собственной машины мышления, просчитывающей в остальном совершенно безличностные по большому счету задачи.

Объективно существующая реальность вполне может сообщить мне о себе и без участия других людей: я упал и ударился, я согрелся у камина или обжегся о плиту – все это создает во мне свои значения непосредственно. Но как мне понять то, что происходит в мире интеллектуальной функции, о положении дел, о которых у меня нет никаких объективных свидетельств, но только то, что говорят другие люди, причем то, что они мне говорят, не всегда соответствует тому, что они делают?

Например, я ребенком оказываюсь на поминках. Мне предварительно объяснили, что наш родственник умер, что это большая утрата, все очень расстроены, всем будет этого человека не хватать, а потому – надо вести себя тихо, не безобразничать, ни к кому не приставать. Допустим, что я это понял. Потом начинаются поминки – хозяйки мечутся между кухней и гостиной и очень переживают, чтобы всё было вкусно и правильно стояло (очевидно, переживают из-за этого), затем приходят родственники с кладбища – они все уставшие, усаживаются за стол, выпивают по одной-другой, тосты за упокой сменяются тостами за здоровье, а после перемены блюд и вовсе начинается сущее веселье. Что все это значит? По крайней мере, то, что реальность, мягко говоря, чуть сложнее чем, что я понял из данной мне предварительной инструкции.

Причем эта неоднозначность ситуаций в мире интеллектуальной функции поразительная – например, взрослые регулярно не следуют своим собственным инструкциям, при этом, если указать им на данное несоответствие, они тут же находятся с ответом, который на деле ничего не объясняет. То есть эта неопределенность в социальном взаимодействии всегда является чрезвычайной и избыточной.

¹⁵ Под «действительной реальностью» следует понимать не просто какие-то «вещи» вне меня, а то, что происходит на самом деле. Соответственно, те «вещи» (интеллектуальные объекты), которые возникают во мне в рамках моих отношений с реальностью, не есть отражение (преломление) во мне неких «вещей мира», но отражение моего собственного содержания, натолкнувшего на то, что «происходит на самом деле» вне меня.

С другой стороны, крепость моего «я», того «места», где я сличаю информацию, приходящую ко мне по разным каналам, весьма слаба, что с наглядностью демонстрируют, например, эксперименты на конформизм [С. Аш]. Если группа последовательно утверждает нечто, что не соответствует моему восприятию, я не только меняю свое мнение, но зачастую и само мое восприятие меняется. И это понятно, потому что на этом механизме в принципе и стоит мир интеллектуальной функции – мы должны признавать мнение большинства, в противном случае мы не сможем продолжать конструктивное взаимодействие в социальных группах. Мы должны перенимать мнение большинства, перестраивать свое мышление так, чтобы это мнение и нам самим казалось истинным¹⁶.

Мы уже не помним бесконечности своих детских наивных интерпретаций, но очевидно, что мы постоянно употребляли слова неправильно, неточно, а то и вовсе совершенно не понимая их смысла. Так, например, было время, когда я знал, что моя тетя «патологом», но не знал, что это такое, хотя и считал эту профессию хорошей (почему у моей тети должна быть плохая профессия?!). Однако моя бабушка по другой линии – отцовской – говорила, что профессия у моей тети не «патологом», а «патологоанатом», и ничего хорошего в ней нет, но не объясняла почему. Я, понятно, был не согласен, впрочем, лишь до тех пор, пока кузены не растолковали мне, чем их мама занимается на работе. То есть я имел некие представления о профессии своей тети (вероятно, какую-то совершеннейшую чушь), и они меня совершенно устраивали. Но как я могу узнать, что они ошибочны, если они располагаются в моем же индивидуальном мире интеллектуальной функции? Только благодаря другим людям, которые и станут сопротивляться мне – моим «ошибочным» представлениям – на пространстве мира интеллектуальной функции.

То есть через других людей и посредством других людей мой индивидуальный мир интеллектуальной функции (моя индивидуальная версия мира интеллектуальной функции других людей) наполняется фактическим содержанием, и они же – эти другие люди – следят за тем, чтобы я следовал правилам – в частности, подразумевал под своими словами именно то, что они сами под этими понимают, а также отдавал себе отчет в том, что всякое мое слово – это не просто звук, а нечто, что предполагает какие-то последствия и обязательства¹⁷.

Да, мир интеллектуальной функции эфемерен – он не может сопротивляться мне, не может обнаружить собственной ошибочности, но в нем же в некотором смысле обитают и другие люди, и это именно они сопротивляются мне в нем и через него, и потому я на самом деле не мыслю, а лишь обеспечиваю свое социальное поведение таким вот образом. Мышление, иными словами, это форма социального поведения представителей нашего вида, а разум (проявление нашей разумности) – это своего рода моя индивидуальная способность к целенаправленному выпадению из представленных мне таким образом – через мое мышление – паттернов социальной коммуникации.

¹⁶ Такие «вещи», которые существуют только потому, что в них верит подавляющее большинство людей, я прежде называл «форпостами веры». «Форпостами веры», например, являются «деньги», «государство», «семья», «искусство», «физические законы» – все эти вещи существуют, потому что в них верят. Это не значит, что, например, «физические законы» не существуют вовсе, но то, как они существуют в нас как «физические законы», – это форпосты веры. Именно в этом смысле, как мне представляется, следует понимать и И. Канта, который говорит о том, что законы не открываются в мире, а нами ему приписываются.

¹⁷ Причем контроль этот вовсе не лингвистический – другие люди контролируют мои действия, а слова и вкладываемые мной в них индивидуальные значения здесь вторичны. Контроль, выражение и внутренняя перестройка моего индивидуального мира интеллектуальной функции становятся возможны благодаря использованию знаков – они играют роль своего рода опор в работе моей интеллектуальной функции, но не являются ее сущностными структурами. Мои действия, которые контролируют в процессе социальных игр другие люди, сопряжены с тем, что мы привыкли называть, может быть, не вполне корректно, «значениями» слов. Точнее, наверное, сказать, что другие влияют на мои состояния, побуждая меня к определенному поведению, для чего используют знаки (слова), и я сам как-то организуюсь в такой ситуации, приводя мою внутреннюю речь в некое соответствие с происходящим вовне меня.

Из этого следует сделать вывод, что состояние разумности является и трудоемким для мозга, и часто неблагодарным делом. Без разумности проще, а деятельности мышления (интеллектуальной активности) и так ничего не мешает – интеллектуальная функция способна, сама по себе, связывать интеллектуальные объекты моего индивидуального мира интеллектуальной функции друг с другом, а насколько все это разумно и достоверно – уже дело десятое. В конце концов, все всегда можно объяснить, оправдать, обосновать задним числом и даже доказать что-либо, если соответствующее решение мозгом уже принято.

С другой стороны, необходимость этой специфической разумности вполне, как мне представляется, очевидна. Дело в том, и это весьма существенно, что наше взаимодействие с другими людьми происходит на весьма шаткой почве – в пространстве, по существу, отсутствующего мира интеллектуальной функции. Последний, с одной стороны, допускает бесчисленность интерпретаций и возможность формирования самых разных эссенциальных сущностей, что лишь чудом не превращает наш мир в абракадабру. А с другой – именно он превращает в реальность «форпосты веры», чья реалистичность обусловлена лишь тем, что значительная часть людей в эти «вещи» верит. Соответственно, ничего хорошего от мышления, разворачивающегося на этом пространстве, но лишённого разумности, ожидать не приходится.

Мир интеллектуальной функции, будучи совершеннейшей фикцией, при этом обладает вполне осязаемой силой. Сопротивление, которое я испытываю со стороны других людей, осуществляется на меня через и посредством мира интеллектуальной функции. Благодаря этому сопротивлению я и обретаю в процессе собственного онтогенеза пространство своего мышления, тренируя способность, как это было показано ранее, к формированию сложных, многовекторных интеллектуальных объектов¹⁸. То есть мир интеллектуальной функции реально воздействует на меня.

С другой стороны, он оказывается проявлением подлинной реальности еще и потому, что, несмотря на некоторую его, так скажем, нереалистичность, именно через мир интеллектуальной функции и посредством его я-то и взаимодействую с совершенно реальными людьми, и все мы – и я, и они – решаем, таким образом, через эту склейку, совершенно реальные и насущные задачи.

Иными словами, посредством мира интеллектуальной функции – пусть и не существующего объективно – мы реально воздействуем друг на друга, и по большому счету не можем иначе коммуницировать.

¹⁸ См. Курпатов А.В. Что такое мышление? Наброски. СПб., 2016.

Соображение № 3

О реальности

Понимание феномена «реальности» является по-настоящему проблематичным, потому что мы смотрим на реальность своим собственным – индивидуальным – миром интеллектуальной функции. Впрочем, если бы мы могли взглянуть на реальность из некоего совокупного мира интеллектуальной функции (что, конечно, невозможно, поскольку его не существует), то ситуации это бы вовсе не изменило – понимание феномена «реальности» продолжало бы оставаться задачей неразрешимой. Так что, на мой взгляд, поскольку мы не можем ни говорить, ни даже просто думать о реальности (все это неизбежно закончится созданием каких-нибудь симулякров [Ж. Бодрийяр]), проблема с ней должна решаться кардинально.

Во-первых, мы должны утвердиться в мысли, что она – реальность – есть (что бы это ни значило). Во-вторых, мы должны сформировать внутреннюю установку, согласно которой на самом деле ничего кроме реальности нет, поскольку всякое иное заключение было бы просто нелепым. Все, с чем мы имеем дело, – реальность. В-третьих, единственный для нас способ соприкоснуться с реальностью (выйти с ней, так сказать, на контакт) – это задаться вопросом: «Что происходит на самом деле?», отмечая, таким образом, все прочие (прежние, актуальные) свои установки, касающиеся рассматриваемого аспекта реальности.

Понимаю, что все это звучит странно, а кому-то может показаться, что противоречиво. Со странностью, впрочем, я готов согласиться и полагаю, что было бы странно, если бы эти тезисы странно не звучали. Но вот их кажущая противоречивость – лишь средство к лучшему пониманию, но вовсе не какое-то фактическое противоречие.

Основная ошибка, которая свойственна нам, когда мы пытаемся думать о реальности, заключается в том, что мы, как правило, начинаем делить ее на какие-то подклассы и уровни.

Мы говорим, что вот, мол, наша реальность, в которой существуем мы, а есть реальность микромира или реальность разных животных – например, летучей мыши с присущими ей квалиа [Т. Нагель]. Если вдуматься в сам этот подход (не говоря уже о достигаемых таким образом «результатах»), то он, конечно, разочаровывает – это все равно что сказать, что играющие «в дурака» картежники играют каждый свою партию. Это не так, но вот «картежник» тут, и надо это хорошо понимать, действительно только один – и это мы сами с нашими познавательными возможностями и алгоритмами обработки информации.

Все дело в том, что это мы приписываем разные реальности разным «объектам» (таково наше представление на этот счет), причем именно с помощью данного трюка мы и можем их (этих «других») себе представить, но это не у них – этих «объектов» – некие «разные реальности». Да, у каждого из них свой набор представлений о реальности, но эти представления обладают соответствующим статусом (статусом представлений) лишь для тех, кто их производит, а я произвожу свои представления об их (например, летучей мыши) представлениях о реальности, причем я имею дело лишь с этими моими представлениями об этих их представлениях, а не с их представлениями, какими они являются для них.

Воспринятая реальность у каждого наблюдателя, разумеется, своя. Но воспринятая реальность – это не реальность, а лишь представление о реальности (что бы это ни значило). Если мы говорим о любом наблюдателе (хотя бы подразумеваем его наличие – пусть косвенно или скрыто-имплицитно конкретной данности), мы всегда находимся в системе отношений «карты и территории». Но почему мы вообще должны думать о наблюдателе, когда пытаемся осмыслить феномен реальности как таковой? Да, думать ее без наблюдателя мы не можем, но мы можем с известной долей условности (пусть и предельно огромной) ее

реконструировать. И понятно, что первым тезисом в рамках этой реконструкции является тезис о том, что она есть.

Второй тезис не менее важен. Дело в том, что мы постоянно находимся внутри удивительной языковой игры – например, я только что написал: «воспринятая реальность – это не реальность, а лишь представление о реальности». В целом, предложение звучит вполне внятно и непротиворечиво, проблема только в том, что «воспринятая реальность» – это тоже реальность. Да, когда мы рассуждаем таким образом, реальность кажется нам как бы слоистой, но это только особенность нашего способа думать о реальности. Нет никаких причин, почему мы должны (или можем) приписывать реальности действительно разные способы существования, а то, что она кажется нам «качественно» разной в том или ином случае, – лишь особенности нашего восприятия, но не реальности как таковой. Потому если мы попытаемся думать не о реальности, а саму реальность, то никаких «слоев» у реальности как таковой, конечно, не обнаружится. Просто всё, что происходит, – и есть реальность. Хотя, надо полагать, все это и звучит достаточно парадоксально.

Короче говоря, нет ничего, что бы не было реальностью, но то, что мы думаем о реальности – наши представления о ней, не есть реальность как таковая, а есть наши представления о реальности, которые, в свою очередь, конечно, реальны. «Карта» – так же реальна, как и сама «территория», но она реальна как карта, а не как территория. Так что всякая карта реальности (представление) – не сама эта реальность, но реальна сама по себе¹⁹.

То есть проблема с указанной языковой игрой состоит в следующем: когда мы пытаемся мыслить реальность – мы тем самым создаем реальность (процесс мышления происходит на самом деле), но это не значит, что мы в этот момент создаем некую «реальность реальности». В такой ситуации мы лишь что-то думаем о реальности, хотя этот процесс, конечно, является такой же реальностью, как и все, что происходит. Это напоминает мне эффект «ленты Мёбиуса».

Наконец, третий тезис – о шорах наших представлений, скрывающих от нас действительную реальность, и о необходимости специфического состояния озадаченности (достигаемого, например, с помощью вопроса: «Что происходит на самом деле?»), чтобы выйти с ней в некотором смысле на контакт. И вот именно этот тезис кажется мне наиболее сложным, неоднозначным и в то же время чрезвычайно важным в рамках методологии мышления.

Попробуем представить себе наши отношения с реальностью, глядя на них, так сказать, нейрофизиологически. Здесь мы действительно вроде как обнаруживаем некие уровни: во-первых, понятно, что мы контактируем с реальностью посредством нашего рецепторного аппарата – зона, так скажем, физиологического контакта, во-вторых, данные с рецепторов преобразуются нашим мозгом и запечатлеваются в нем в неких функциональных нейрофизиологических комплексах (этим аспектом активно занимается нейрофизиология восприятия), в-третьих, возникшие нейрофизиологические комплексы рефлексированы нами как некие «субъективные состояния», наконец, в-четвертых, мы каким-то образом обозначаем для самих себя (концептуализируем) эти «состояния» (означаемые) в рамках неких наших представлений (означающих). Грубо говоря, у нас есть «сырые данные», «функциональные системы», а также идентифицируемые нами наши собственные «состояния» («означаемые», «значения») и то, что мы по этому поводу думаем – некие «суждения» («означающие», «знаки»).

Теперь давайте попробуем отвлечься от этой экспозиции наших отношений с реальностью (кажущейся столь убедительной) и зададимся вопросом: а что, собственно, происходит на самом деле? Вполне очевидно, на мой взгляд, что вся эта рассказанная только что исто-

¹⁹ Л. Витгенштейн пишет в «Логико-философском трактате»: «*Em a priori wahres Bild gibt es nicht*» (п. 2.225), в переводе В. Руднева: «То, что было бы а priori Картиной, было бы ничем».

рия (нарратив, описывающий наши отношения с реальностью) располагается в мире интеллектуальной функции. У нас есть соответствующие концепты – «рецепторы», представления о нейрофизиологической механике «формирования образов», теории «функциональных систем» и «языка» и т. д. и т. п. Все они, взятые вместе, и создают в нас иллюзию достоверности этой наспех сочиненной истории. Впрочем, всё это кажется нам настолько «понятным и очевидным», что, право, самое время озадачиться. Оттолкнем прочь эту прекрасную пелену представлений: конечно, это не более чем история, нарратив – некое представление о реальности, а не реальность как таковая.

Взглянем на эту «историю» иначе, просмотрим, так сказать, ее альтернативную версию. Всё, что со мной происходит, разумеется, реально – например, я выступаю на научной конференции, пытаюсь приготовить себе завтрак или влюбился – вот некие факты. Однако мы тут же вынуждены признать, что мой рецепторный аппарат (да и вся моя периферическая нервная система) не имеет к этим событиям, взятым в качестве случайных примеров, никакого сколь-либо существенного отношения.

Ну что, например, происходит на научной конференции?.. Я составил «внутри своей головы» некие представления об ее участниках – кто они, что они знают, что им может быть интересно, что нового я могу им сказать, и все прочее. Исходя из этого своего представления об этих людях, я создаю некий «научный доклад», основываясь при этом на том, что я прежде продумывал, исследовал, заметил, концептуализировал. Теперь я стою перед ними, смотрю на них, они – на меня, я что-то говорю, а они что-то слушают.

Понятно, что слушают они не бессмысленное пение птиц и не звук водопада, а специальные звуки, которые их мозг идентифицирует внутри их голов (индивидуальных мирах интеллектуальной функции) как некие слова, которые для них что-то значат. Из этих слов, преобразованных моими слушателями в понятия, они, я надеюсь, пытаются воссоздать как бы мою идею в рамках собственных интерпретаций. По существу, как бы там ни было, они формируют в этот момент внутри своих голов интеллектуальные объекты разной степени сложности – возможно и такие: «Что это за дурак?» и «Что за чушь он несет?!» (Это, как известно, тоже реальность любой научной конференции.)

Итак, что же тут происходит на самом деле? Кажется, что правильно было бы сказать, что описанное действие разворачивается в пространстве нашего общего мира интеллектуальной функции²⁰ – мы, мол, находимся в некоем общем пространстве смысла (символического), где решаем соответствующие задачи по интерпретации чужого текста. Проблема в том, что никакого общего, обобщенного мира интеллектуальной функции не существует, ему, попросту говоря, негде быть.

Так что идеалистическое представление о том, что мы, мол, находимся в некоем общем для нас символическом пространстве смыслов, где героически сражаются друг с другом наши идеи, по меньшей мере наивно. Нет никаких сражений в символическом, и само символическое (мир интеллектуальной функции) – лишь удобный симулякр. В действительности я играюсь со своими интеллектуальными объектами, и мои слушатели играют со своими интеллектуальными объектами, но фокус в том, что и я (говорящий), и они (слушающие) являемся – сами по себе – точно такими же интеллектуальными объектами наших индивидуальных миров интеллектуальной функции.

Никакого «расслоения» реальности, таким образом, не происходит; нам просто удобно так думать, но это «удобство» – лишь наши собственные проблемы и заблуждения. В действительности происходит то, что происходит, а потому, хотя мы и вводим понятие мира интеллектуальной функции (символического), все реально происходит на одном и том же

²⁰ Что-то наподобие юнгианского «коллективного бессознательного», только из области современной когнитивистики – некоего «коллективного сознательного».

уровне мышления – когда в каждой конкретной голове создаются и усложняются те или иные интеллектуальные объекты, причем их нейрофизиологическая природа ничем не отличается от любого другого происходящего здесь – в этом мозгу – процесса.

При этом то, что я стою, а они сидят, я говорю, а они слушают, у меня пересохло в горле, а у них затекла спина, и я вижу пространство, ограниченное одной стеной, а они – пространство, ограниченное другой и т. д. и т. п. – это тот же процесс по созданию нами интеллектуальных объектов, природа которых столь же универсальна, как и все прочее, с чем мы имеем дело. Условные нейрофизиологические комплексы нашего сидения, стояния, звукоизвлечения, пространственного видения, ничем не отличаются от нейрофизиологических комплексов, являющихся нашими мыслями, словами и проч. Все это интеллектуальные объекты, которые создаются интеллектуальной функцией на пространстве наших индивидуальных миров интеллектуальной функции.

То, что мы относим эти интеллектуальные объекты к разным «регистрам» или «модулям бытия», – лишь уловка. Все в моем (как и любого другого человека) индивидуальном мире интеллектуальной функции связано со всем и является одним целым, это не разные реальности. То, что я говорю, а не слушаю, определяет, в частности, и то, чем являются для меня в данный момент соответствующие – произносимые мною – слова. Если бы я их слушал, а не декламировал, они значили бы для меня уже что-то другое, звучали бы, так сказать, как-то иначе.

А то, что у кого-то из моих слушателей затекла спина, болит зуб, переполнился мочевой пузырь – вовсе не нейтральные факты, все это так же влияет на то, что они слышат в моих словах. И более того, все это не висит, так сказать, где-то в воздухе, а обусловлено непосредственно множеством разнообразных процессов, которые мы привыкли считать нейрофизиологическими, биохимическими, собственно физическими, квантовыми и какими угодно еще и как бы мы их ни определяли (бесконечная множественность «набросков» [Д. Деннет])²¹.

Но такова реальность, потому что всё это происходит на самом деле и в совокупности. И да, нам бы следовало видеть все это в полном объеме, хотя, конечно, сложно (невозможно) себе весь этот объем представить. Причем я ведь привел здесь лишь в качестве иллюстрации самую малую толику того, что в действительности происходит в этот самый момент на самом деле. И все это и впрямь происходит здесь и сейчас, а не где-то в каких-то разных реальностях.

Впрочем, то, что мы выделили реальность «научной конференции» из всей прочей реальности, – это ведь тоже своего рода абсурд. Мы находимся в здании, здание на Земле, а Земля в Космосе, и все мы питаемся энергией Большого Взрыва – можно ведь и так все это себе представить. Хотя в действительности, конечно, всё сложнее и иначе: например, мы пользуемся концептуальным аппаратом науки, а он есть язык, способность иметь который отличает представителей нашего биологического вида... Всё это, опять-таки, есть сейчас, в этой реальности, даже если мы решили ограничить ее понятием «научной конференции». То есть это не разные реальности и не какие-то ее уровни, здесь нет и не может быть никаких границ, кроме условных. Это одна цельная реальность, ткань которой совершенно неразрывна.

При этом ситуация, когда я пытаюсь приготовить себе завтрак, ничем принципиально не отличается от той, которую я описал в примере с научной конференцией. Да, здесь нет других людей, но и там их по большому счету не было – у меня были лишь такие интеллектуальные объекты, которые я привык относить в некий условный регистр «других людей», а конкретнее – «коллег по цеху». Но как они были тогда мною в моем внутреннем психическом пространстве воссозданы в качестве соответствующих интеллектуальных объектов –

²¹ Вспомним также и знаменитый «глаз» Людвиг Витгенштейна «О: «Все, что мы видим, могло быть и другим».

эти «слушающие меня участники научной конференции», так и сейчас во мне воссозданы все эти интеллектуальные объекты – кофе-машина, печенюшки – или, если день задался, яйца в холодильнике, бекон, масло на сковороде, соль, перец и т. д. и т. п.

И точно так же все эти интеллектуальные объекты – это не какие-то отдельные штуки в моей голове, которые, как кажется, являются некими «вещами» и «понятиями», а нечто, что возможно благодаря механизмам восприятия, апперцепции, научения и физиологическим процессам, например, которые вызывают у меня чувство голода. Наконец, биомеханика моих движений при ударе ножом по яйцу, ощущение запаха подрумянившегося на сковороде лука и прочее, и прочее – всё это здесь. И такова реальность – всё то, что происходит.

Как бы я ни делил реальность на какие-то «подкасты», как бы ни организовывал концептуально – это лишь такие игры по определению и созданию неких фикций, симулякров, представлений о реальности. Да, я делаю это для удобства, но и это тоже – реальность: поступать так – выделять соответствующие «вещи» и «состояния» из ткани происходящего, чтобы легче в нем – в этой действительной реальности – ориентироваться. Когда вы движетесь по какой-то одной стороне «ленты Мёбиуса», вы же движетесь и по другой ее стороне.

Наконец, для полноты картины рассмотрим пример с влюбленностью. Эта ситуация, грубо говоря, отличается от двух представленных выше лишь тем, что тут «объект страсти» может одновременно и присутствовать рядом со мной физически, и не присутствовать (то есть это и случай «конференции», и случай «приготовления завтрака»), а я все равно постоянно нахожусь с ним в некой психологической связи, обусловленной соответствующей, как бы сказал Алексей Алексеевич, доминантой. Реальность, впрочем, как и прежде – такова, какова она есть, и вся – та же самая.

Люблю я, понятное дело, не другого человека, а его образ в моей голове (как показал Ролан Барт во «Фрагментах речи влюбленного»), и это такой же интеллектуальный объект, как и все прочие, составляющие мой индивидуальный мир интеллектуальной функции (он ими порожден и с ними связан). Он точно так же создан определенным моим физиологическим состоянием (обуславливающим половую потребность) и актуализацией неких нейрофизиологических комплексов (связанных, по всей видимости, с определенной сексуальной фиксацией, чувством прекрасного, психологическими ожиданиями от любовных отношений и т. д. и т. п.).

Иными словами, есть некая реальность – тот самый другой человек, – он реально существует. Но есть и интеллектуальный объект, который в моем индивидуальном мире интеллектуальной функции представляет этого человека так, что он кажется мне «пределом мечтаний». Впрочем, некто третий вряд ли со мной согласится, а если и согласится, то как-то иначе. Понятно и другое – что у того человека, образ которого я люблю в себе, есть и вовсе какое-то свое представление о происходящем, причем это его представление тоже абсолютно реально. А то, что мы в принципе способны всё это думать, чувствовать, испытывать, быть здесь и сейчас – не случайность, все это обусловлено реальностью, в которой, как нам кажется, мы обнаруживаем упомянутые подреальности, которые, конечно, таковыми – какими-то отдельностями – не являются.

Это сложно так думать, что не бывает нескольких разных реальностей (как это, конечно, нам представляется), но только одна, причем одна и та же. Ведь все, что я сейчас перечислил, объединено ситуацией – положением, как бы сказал Людвиг Витгенштейн, всех вещей, имеющих отношение к данной ситуации. Причем никому весь список этих «вещей», разумеется, неизвестен, но в этом и состоит природа реальности – того, что происходит на самом деле, и того, о чем мы можем лишь строить какие-то свои представления. Именно так об этом и следует думать.

Причем это «следует» – даже не фигура речи, это именно правило, по существу – «принцип дополнительности» Нильса Бора. «С одной стороны, описание нашей мыслитель-

ной деятельности требует противопоставления объективно заданного содержания и мыслящего субъекта, – говорит Бор и уточняет: – А с другой, как уже ясно, – нельзя строго разграничить объект и субъект, поскольку последнее понятие также принадлежит содержанию»²².

Иными словами, вводя наблюдателя, мы неизбежно превращаем реальность в некую несложимую теперь абстракцию – реальность как таковая («территория») начинает как бы противостоять в нас представлению наблюдателя о ней («карта»). Но правда в том (хотя ее и нельзя вообразить, но можно реконструировать), что наблюдатель есть такая же часть этой реальности, поэтому никакого разделения на самом деле тут нет, и ткань реальности нигде не рвется, хотя нам – как наблюдателям – этот разрыв кажется совершенно очевидным.

Грубо говоря, мы в некотором смысле физически неспособны представить себе, как нечто одновременно демонстрирует качества корпускулы и волны, но и «корпускула», и «волна», и «качества корпускулы», и «свойства волны» – это лишь интеллектуальные объекты, которыми пользуется наблюдатель для представления реальности, которую он иначе представить себе не может. То, что реальность по-другому ему не представляется, – проблема наблюдателя, а возникает она лишь потому, что он наделил себя соответствующим статусом – «наблюдателя» («субъекта»). Не выделяй он себя из реальности, никаких парадоксов и не обнаружилось бы. Впрочем, тогда бы он уже и не был «наблюдателем».

Возвращаясь к терминологии методологии мышления, можно сказать и так: граница действительной реальности и мира интеллектуальной функции умозрительна, она видится нам, наблюдающим эту границу из своего индивидуального мира интеллектуальной функции, поскольку мы наделены этим статусом: «тот, кто строит представления о реальности». То есть мы не можем видеть реальность как таковую (мы всегда будем иметь дело со своими представлениями о реальности), но мы при этом находимся в реальности, то есть наш контакт с реальностью, если так можно выразиться, на самом деле никогда не прерывается. Более того, мы и есть эта реальность – главное не смотреться в зеркало, в котором мы обнаруживаем симулякры реальности (наши представления), обусловленные нашими целевыми установками.

Впрочем, невозможность представлять реальность («видеть реальность») не означает отсутствие возможности специфическим образом ее думать, в чем, собственно, и заключается суть методологии мышления. Людвиг Витгенштейн говорит, что «мир» состоит из «фактов», а «факты» – суть все возможные отношения вещей (объектов, предметов). Поэтому, если мы намерены думать «мир» (реальность), то думать нам надлежит не вещи, не объекты, не предметы (то есть интеллектуальные объекты), а отношения вещей – то, что в некотором смысле есть между этими вещами²³. И да, если думать отношения вещей – «факты» самой интеллектуальной функции, а не вещи как таковые (интеллектуальные объекты), то, конечно, естественные для такой ситуации противоречия и сложности уже не являются непреодолимыми.

Проблема «многих реальностей» обусловлена тем, что мы в своем сознании подменяем само наше мышление как таковое (работу интеллектуальной функции) его продуктами, результатами этого мышления (интеллектуальными объектами). Мы, можно сказать, пропускаем процесс нашего мышления, не замечаем его и сразу вытаскиваем на поверхность осознания результат работы интеллектуальной функции. Но этот результат всегда уже есть некое представление, карта территории, а не реальность. Последняя открывается нам только в отношении вещей – «фактами», которые нам и надлежит думать (где «думать» есть непо-

²² Бор Н. Избранные научные труды в двух томах, том 2. М., 1971. С. 58.

²³ Именно эту стратегию мы и реализовывали в представленных выше примерах с «научной конференцией», «завтраком» и «влюбленностью».

средственная работа интеллектуальной функции, а не типичная для таких ситуаций интеллектуализация – объяснение непонятного понятным).

Так что все приведенные примеры, конечно, не служат цели создать у читателя представление о том, что такое реальность, или, иначе говоря, о том, «что происходит на самом деле». Это и невозможно, такого представления – о том, что происходит на самом деле, – не существует, а всякие попытки его составить свидетельствовали бы о полном непонимании существа вопроса.

Задача этих примеров как раз обратная – показать, что мы не можем иметь корректного представления о реальности, и методологически задаваясь вопросом о том, что происходит на самом деле, мы не пытаемся извлечь из реальности некую истину. Истинна сама реальность, которая есть непосредственное отношение вещей (чем бы они ни были и что бы это ни значило), то есть факты. Истинна реальность, которая есть и которая всё, – и этого вполне достаточно.

Понимая соответствующие ограничения, мы можем бесконечно обращаться к фактической реальности, обнаруживая, таким образом, новые и новые «факты». А это даст возможность нашей интеллектуальной функции создавать новые и новые, возможно более удачные (потенциально продуктивные, эффективные с точки зрения целевых установок), варианты реконструкции реальности.

К сказанному, желая избежать путаницы, следует добавить, что понятие «объективной реальности», если относиться к нему слишком серьезно, является бессмысленным и совершенно непродуктивным. Что обычно понимается под «объективной реальностью»? То, что можно, грубо говоря, пощупать – непосредственно или с помощью каких-то устройств? Но в таком случае мы не можем «пощупать» ни бозон Хиггса, ни «черные дыры». Мы не можем сделать этого по определению. Да, мы можем «пощупать» косвенные свидетельства этих феноменов, подтверждающие оправданность соответствующих интеллектуальных моделей (бозона или дыры), но сами эти штуки как были, так и останутся абстракцией – не объективными, а расчетными явлениями.

С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся и в биологии, например, при изучении репликации ДНК. Во-первых, этот процесс действительно невозможно «разглядеть» (он также в основе своей расчетный). Но главное и это во-вторых: мы не понимаем, каким образом здесь передается информация, что является здесь собственно информацией. Да, на уровне реконструкции соответствующих химических реакций появление тех или иных белков кажется вполне естественным, но дело же не в них – не в самих белках, а в той информации, которую они, возникнув, начинают переносить. Да, и здесь можно построить некую реконструкцию, и, если она будет работать, это будет хорошая реконструкция. Но она продолжит оставаться лишь моделью реальности, а не реальностью существования той самой информации, которая в каком-то смысле действительно как таковая все-таки есть.

А теперь подумаем о вещах, куда более приземленных и, как кажется, куда более понятных – объективны ли, например, ненависть или чувство справедливости? Какие-то нейрофизиологические процессы их безусловно обеспечивают, но в голове каждого человека это будут свои нервные процессы (какие-то специфические агрегации нейронов, индивидуальные нейронные ансамбли). Заберись мы в эту голову – любым способом, – мы не сможем найти в ней точное и убедительное соответствие самоотчету испытуемого, с одной стороны, и тому, что мы там – в его голове – обнаружим – с другой. Можем ли мы на этом основании сказать, что объективно ни ненависти, ни чувства справедливости не существует или что они необъективны, потому что мы просто не знаем, что конкретно следует «щупать»? Все это достаточно нелепо, на мой взгляд.

А объективны ли, например, квадраты, треугольники и круги? Пусть даже я могу пощупать их руками – например, из специального набора для младенцев. Но что это мне дает?

Любая геометрическая форма является идеей, которая включает в себе некие правила – равенство сторон, количество углов, окружность и т. д. и т. п.

Наконец, объективен ли смысл литературного текста? То, что каждый из нас прочитывает его как-то по-своему, видит его в некой специфической диалогичности [М. М. Бахтин], это, конечно, так. Каждый из нас «вынимает» из этого текста некий свой – «субъективный» для него – смысл. Таким образом, объективно некий подлинный смысл литературного текста нигде не содержится. Но готовы ли мы на этом основании заключить, что он – сам этот литературный текст – бессмыслен? Если пойти этим путем, то скоро обнаружится, что и всякий научный текст – лишенная объективности абракадабра.

То есть сама эта языковая игра с понятием «объективность» представляется мне весьма сомнительной, по крайней мере с точки зрения ее целесообразности. Сейчас мы уже хорошо знаем, что всякое явление имеет в своей основе какую-то вполне понятную физическую природу («понятную», по крайней мере, в том смысле, что мы можем так ее реконструировать). При этом любые наблюдатели рисуют свои представления о реальности (что бы это ни значило) тоже не просто так, а в соответствии всё с той же физикой²⁴. Но даже если мы думаем обо всем этом так, речь в любом случае идет о работе всё той же интеллектуальной функции с интеллектуальными объектами. Ведь любая физическая теория есть лишь наше представление о реальности, созданное нами *ad hoc*. Так что, хоть я и говорю, что обобщенного мира интеллектуальной функции не существует, подобную фикцию для удобства следует, наверное, все-таки принять.

В конечном счете все, с чем мы имеем дело, не важно – с физическими явлениями, биологическими феноменами, физиологическими процессами или событиями культуры – все это интеллектуальные объекты, созданные нашей интеллектуальной функцией. Да, какие-то из них сконструированы нами при помощи различных средств научной верификации – исследовательских опытов, специальных приборов, математических моделей и т. д. и т. п. Однако это не делает подобные интеллектуальные объекты чем-то иным, нежели – все теми же интеллектуальными объектами.

Реальность, с которой мы имеем дело, принципиально гомоморфна, но этим я вовсе не хочу сказать, что вся она находится «внутри головы» или является какой-то эфемерной конструкцией. Напротив, устанавливаемые нашей интеллектуальной функцией отношения фактов (при условии, что это позволяет нам достигать поставленных целей), являются действительной реконструкцией реальности. То есть, пусть и в некотором приближении, мы говорим все-таки о реальности, которая как таковая, разумеется, есть.

Не формирующиеся в нас интеллектуальные объекты, а отношения между ними – вот что действительно отражает потенциально доступные нашему познанию фрагменты (если так можно выразиться) реальности. С другой стороны, конечно, в результате мы получаем лишь некую реконструкцию реальности, адекватную для решения конкретных задач, а вовсе не абсолютное знание реальности как таковой и самой по себе²⁵.

Учитывая сказанное, мне кажется, вполне понятно, что главный вопрос методологии мышления «Что происходит на самом деле?» – носит, по существу, дидактический характер. Его задача – дать нам возможность, не покидая мира интеллектуальной функции (чего мы, впрочем, и не можем сделать), обнаруживать новые факты, новые отношения между фак-

²⁴ В этом смысле утверждение Эрнеста Резерфорда, что все науки делятся на физику и собирание марок, не лишено оснований.

²⁵ Причем если подобная реконструкция действительно хороша, то, вероятнее всего, представить ее в виде некой ясной картины невозможно. Судя по всему, достаточно ясно мы можем представить себе только то содержание, к которому в процессе миллионов лет эволюции адаптировался наш мозг с учетом задач выживания биологической особи, продолжения рода и т. д. Понятно, что у эволюции не было нужды формировать у нас способность наглядно представлять себе реальность в той, грубо говоря, ее области, которая не затрагивала вопросы нашего биологического выживания.

тами и посредством работы интеллектуальной функции формировать эффективные (с точки зрения практических целей) реконструкции реальности. Однако последние, в свою очередь, конечно, тоже являются интеллектуальными объектами.

Соображение № 4

Об интеллектуальных объектах

Мы не можем составить ясного представления об «интеллектуальном объекте», равно как мы не можем представить себе и «интеллектуальную функцию». «Представить» в буквальном смысле этого слова – как мы представляем себе, например, яблоко или функцию дирижера симфонического оркестра.

У нас не может возникнуть осязаемого, так сказать, мысленного образа «интеллектуального объекта» или «интеллектуальной функции» (точно так же, как у нас нет, например, образа отдельно «правого» или отдельно «левого», «любого множества», «бесконечности», «хаоса», «целостности», «процесса» и т. д.). Соответствующими понятиями мы пользуемся для наведения порядка в собственных представлениях, но, сами по себе, они полноценными представлениями не являются.

Полагаю, кому-то может казаться, что он все-таки может это представить – и отдельно «левое», и «бесконечность», но, скорее всего, на деле он будет представлять себе какое-то конкретное содержание (то есть что-то другое, что можно определять с помощью таких вот понятий-инвариантов), но сами эти понятия-инварианты останутся непредставимыми.

С другой стороны, это специфическое свойство понятий-инвариантов открывает нам широкие возможности по реконструкции реальности – того, что происходит на самом деле. Правда, пользоваться ими для этих целей нужно с большой аккуратностью, понимая всякий раз, что это лишь способ организации неких содержаний друг относительно друга, но не структура реальности как таковая и уж точно не данное конкретное содержание²⁶.

Если мы рассматриваем «интеллектуальный объект» как понятие-инвариант, это значит, что все, с чем мы имеем дело, является каким-то интеллектуальным объектом. Однако ничто конкретное, на что можно было бы ткнуть пальцем и сказать – вот, мол, это «интеллектуальный объект», – не является интеллектуальным объектом. Данное понятие-инвариант (как и понятие-инвариант «интеллектуальная функция») необходимо нам как инструмент корректной реконструкции действительной реальности в области, очерченной методологией мышления, и поэтому непредставимо²⁷.

В книге «Что такое мышление? Наброски» я, с достаточной, впрочем, степенью условности, выделил несколько уровней организации нашего мышления: «внутреннее психическое пространство», «плоскость мышления» и «пространство мышления». Сделано это было исключительно из дидактических соображений, это лишь удобные фикции (ради этого удобства, собственно, соответствующие понятия и были введены), которые призваны указать на особенности процессов мышления, модерируемых, образно говоря, личностным «я» разной степени сложности.

Так, например, когда речь идет о «внутреннем психическом пространстве», наличие личностного «я» и вовсе не предусматривается или, по крайней мере, необязательно (своего рода «нулевой уровень»). Понятно, что психика человека способна к созданию интеллектуальных объектов сама по себе и не нуждается для этого ни в каком специальном органе

²⁶ Данный методологический ход получил в свое время название «несодержательного мышления» (см. Курпатов А. В. Психософический трактат. Логико-философский трактат (Философия психологии). М., 2007.)

²⁷ Думаю, когда человек сталкивается с понятием «интеллектуального объекта» в текстах, посвященных методологии мышления, он, вероятно, представляет себе некие психические образы, или понятия, или даже какие-то теоретические концепты. На это можно сказать, что каждая такая «штука» в каком-то смысле является интеллектуальным объектом, но тут же следует добавлять, что ничто из этого не является интеллектуальным объектом в строгом смысле этого слова. Не следует путать некие представления о продуктах психической, нервной или какой-либо иной деятельности и интеллектуальные объекты как они есть в нас – в нашем внутреннем психическом пространстве.

наподобие личностного «я», которое бы направляло и контролировало работу интеллектуальной функции. Многочисленные исследования наглядно показывают нам, что ребенок, еще совершенно не овладевший языком, демонстрирует способность мыслить²⁸, вступать во вполне осмысленную социальную коммуникацию и т. д. и т. п. То есть «внутреннее психическое пространство», по самой сути своей, совершенно функционально с точки зрения решения задач мышления, но еще, конечно, не является тем мышлением, о котором мы привыкли думать, когда используем данное понятие.

Однако на определенном этапе онтогенетического развития ребенка, вырастающего в культурно-историческое пространство (мир интеллектуальной функции), личностное «я» в нем формируется, а затем и достигает значительной степени сложности. Что, впрочем, вовсе не означает, что «внутреннее психическое пространство» в связи с этим куда-то пропадает или теряет свое значение. Нет, оно лишь усложняется дополнительными структурами. Для описания этих новых режимов мышления, обусловленных появлением в психическом пространстве ребенка специфической функции личностного «я», и были предложены понятия «плоскость мышления» и «пространство мышления».

Здесь необходимо сказать, что выделение этих двух режимов – «плоскость мышления» и «пространство мышления» – вполне согласуется с одним из фундаментальных принципов организации информации в мозге. Данные принципы показаны в целом ряде нейрофизиологических исследований – как на предельно простом уровне организации нервных процессов (например, «нейроны детекторы признака» и «гиперкомплексные нейроны» в концепции Т. Н. Визеля и Д. Х. Хьюбела), так и на уровне взаимодействия системных структур мозга (например, концепция «верхнего и нижнего мозга» М. Мишкина и Л. Г. Ангерлейдера). По сути, во всех этих исследованиях, реконструирующих стратегии мозга, создающего картины реальности, предлагается выделять уровень формирования единичных элементов и уровень отношения этих единичных элементов друг с другом.

Используя этот принцип для реконструкции реальности внутреннего психического пространства, можно, таким образом, выделить уровень «плоскости мышления», где личностное «я» апеллирует по механизму косвенной рекурсии к единичным объектам внутреннего психического пространства (1), и уровень «пространства мышления», где личностное «я», вследствие своей уже сложной (многомерной) организации, способно обнаруживать образованные интеллектуальными объектами структуры (2)²⁹.

Иными словами, во втором случае – в случае «пространства мышления» – интеллектуальная функция оперирует не единичными интеллектуальными объектами (целыми разной степени сложности), но интеллектуальными объектами, которые, сами по себе, уже есть отношение единичных интеллектуальных объектов друг с другом в рамках некой, обуславливающей их структуры.

С другой стороны, тут неизбежно возникает вопрос – а какой уровень организации этой системы следует признать уровнем собственно «мышления»? И ответить на этот вопрос нельзя. Дело в том, что мы при всем желании не можем определить нейрофизиологическую границу, где заканчивается какая-то элементарная, подпороговая нервная деятельность, а где начинается собственно «мышление». Поскольку же эта граница не может быть установлена строго, мы, соблюдая необходимую методологическую точность, должны полагать – хотя, возможно, это и кажется некоторой натяжкой (впрочем, я так не думаю), – что всякая активность нервной системы, приводящая к образованию неких «целых» (то есть интеллектуаль-

²⁸ Например, известные опыты с предметами, исчезающими за ширмой.

²⁹ В качестве достаточно грубой аналогии можно, наверное, обратиться к понятиям «предметно-конкретного» и «абстрактного» мышления, хотя, конечно, они не в полной мере, а лишь отчасти отвечают задачам обозначения соответствующих уровней психической организации – «плоскости» и «пространства мышления».

ных объектов – будь то элементарный зрительный образ или даже зрачковый рефлекс), уже есть мышление³⁰.

Собственно, поэтому и само «мышление» определяется в методологии мышления таким вот предельно общим способом – как работа интеллектуальной функции по производству интеллектуальных объектов посложнее из интеллектуальных объектов попроще. То есть, грубо говоря, практически всякая психическая деятельность может быть и должна быть признана нами мышлением.

Впрочем, тут возникает целый ряд вопросов, требующих уточнения³¹. Очевидно, например, что под данное определение мышления подходят не только младенцы и человекообразные обезьяны, но и прочие животные и даже искусственный интеллект. То есть все они, согласно данному определению, обладают неким «мышлением». Впрочем, как мне представляется, это скорее достоинство данного определения, нежели его недостаток.

С другой стороны, это требует от нас введения каких-то дополнительных уточнений для определения тех самых – разных – режимов мышления, которые мы выявляем у человека-разумного. Именно в этой связи нам и приходится говорить о неких условных уровнях мышления (но именно условных, то есть определяемых, опять-таки, в дидактических целях).

По всей видимости, в рамках решения указанной дидактической задачи мы вполне можем ограничиться следующим набором терминов – «интеллектуальная активность», «псевдомышление» и «озадаченное мышление».

При этом под «интеллектуальной активностью» должна пониматься всякая работа интеллектуальной функции с интеллектуальными объектами. Под «псевдомышлением» понимается мышление, которое предполагает лишь актуализацию уже существующих во внутреннем психическом пространстве алгоритмов работы с интеллектуальными объектами³². Тогда как «озадаченное мышление» – это мышление, приводящее к формированию новых для данной психики алгоритмов (способов организации) интеллектуальных объектов.

Тут, впрочем, возникает своего рода коллизия – дело в том, что «озадаченное мышление» (мышление, предполагающее создание новых способов организации интеллектуальных объектов), которое, казалось бы, является куда более сложным делом, нежели простое воспроизводство существующих алгоритмов, по идее должно предшествовать «псевдомышлению» (иначе откуда возьмутся эти алгоритмы, которыми он оперирует?). Но это лишь кажущийся парадокс.

Действительно, «озадаченное мышление» – более сложная работа, нежели работа автоматизмов «псевдомышления». Но это не значит, что внутреннее психическое пространство, обладающее более сложной организацией (более, скажем так, взрослой), само по себе, стремится к «озадаченному мышлению». Напротив, при наличии большого количества уже наработанных алгоритмов (способов организации интеллектуальных объектов), оно будет тяготеть как раз к псевдомышлению. Именно недостаток схем организации интеллектуальных

³⁰ Всякое такое «целое» психики уже и есть интеллектуальный объект. Мозг, как мы теперь знаем, занимается постоянным производством окружающего его мира, создавая такие «целые» – из разрозненных раздражителей (пользуясь генетически детерминированными и выученными алгоритмами), он строит такие «карты территории».

³¹ Если говорить серьезно, то мне подобные уточнения кажутся излишними и не представляющими никакого существенного интереса. С другой стороны, я понимаю, что отсутствие подобных уточнений порождает дополнительные сложности понимания и без того непростой теоретической модели.

³² Понятие «псевдомышление» сближается, как мне представляется, с понятиями «Системы 1» в теории Д. Канемана или с понятием «автопилота», которое активно используется в современной популярной литературе по нейронаукам. Хотя должен признать, что, как мне кажется, эффекты псевдомышления свойственны и значительной части тех мыслительных процессов, которые Д. Канеман почему-то относит к области компетенции своей «Системы 2». Так все интеллектуальные действия, которые, по существу, уже несут в себе ответ на поставленный вопрос, (потому что соответствующие алгоритмы в соответствующей психике уже содержатся) и требуют лишь большей сосредоточенности внимания, (например, действие умножения – 19×24), должны быть отнесены к псевдомышлению. В противном случае нужно будет признать, что у простейшего калькулятора мышление «лучше», чем у человека-разумного.

объектов (или же осознанный их недостаток) является естественным фактором, побуждающим нас к озадаченному мышлению. Однако долго эти «естественные факторы» работать не будут, и потому для сохранения способности к «озадаченному мышлению» требуются другие, специальные практики³³.

Далее следует, вероятно, уточнить, что данные рассуждения напрямую касаются и логики отношений «плоскости мышления» с «пространством мышления». Было бы слишком оптимистично полагать, что с момента преобразования «плоскости мышления» конкретного человека в «пространство мышления» сама эта «плоскость» куда-то исчезает и человек теперь будет думать исключительно этим своим «пространством» мышления...

Когда мы говорим о принципе, согласно которому для психического существуют единичные элементы, с одной стороны, и отношения между этими единичными элементами, — с другой, не следует думать, что это касается сложности соответствующих элементов. Нет, сложные отношения между единичными элементами вполне могут стать, сами по себе, единичными элементами, а новые отношения между ними могут так и не быть построены. То есть, грубо говоря, человек имеет все шансы, обладая богатым пространством мышления, со временем скатиться обратно в плоскость мышления, лишенную действительной внутренней структуры. И в этом случае его личностное «я», сохраняя, возможно, определенное богатство своего содержания как интеллектуальный объект, в качестве специфической функции окажется почти ничтожным.

³³ Именно поэтому подавляющее большинство великих математиков создали свои лучшие или, по крайней мере, наиболее оригинальные работы в молодом возрасте, то есть пока наработанных алгоритмов организации интеллектуальных объектов у них было относительно меньше, нежели у них же, но в более зрелом возрасте. По этой же причине, вероятно, и смена парадигм в науке происходит не в то время, когда все живущие ныне ученые начинают, «прозрев», думать по-другому, а когда те, кто думали так, как было принято раньше, умирают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.